

В.С. Мартьянов

*к.полит.н., доцент, директор Института философии и права
УрО РАН, Екатеринбург*

БЛЕСК МЕТАФОР И ПОНЯТИЙНАЯ РЕЛЯТИВНОСТЬ МЕЙНСТРИМА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК¹

Аннотация. Понятия политологического и экономического мейнстрима в значительной степени обусловлены преобладающей социальной онтологией. Они связаны с интересами ключевых социальных групп, чьи перспективы видения общества как целого, выраженные в корпусе священных научных текстов, определяют общественные нормы, иерархии приоритетов, доминирующие ценности и институты. Соответственно, задачи общественных наук как социального института не сводятся к поиску эмпирически верифицируемых истин, но явно или неявно предполагают моральные выводы о должном, о благе для конкретного общества и человечества. Эти утверждения связаны с экстраполяцией претендующих на универсальность представлений и интересов исторически преходящих социальных групп. Поэтому истины общественных наук всегда являются релятивными соглашениями сообществ (социальными конструктами), подлежащими периодическому пересмотру. В настоящее время критика ценностных оснований общественного согласия, зафиксированная в западном мейнстриме, актуализирована глобальной трансформацией социальной онтологии. Принципы распределения коллективных ресурсов все менее связаны с капитализмом, рынком, демократией, которым все труднее выполнять обещания о развитии и росте доступных ресурсов для большинства населения в условиях усиления экономического неравенства и свертывания модели всеобщего благосостояния. Это ведет к падению убедительности экономических и политологических понятий и концепций, легитимирующих нормативный социальный порядок, всё чаще действующий не в интересах большинства. Растет численность социальных групп, не ориентированных в своей жизнедеятельности на рыночные ресурсы. Усиливается интенсивность их запроса на альтернативные принципы социальной стратификации и распределения ресурсов, связанные не с классово-рыночно-демократическими регуляторами, но с властными иерархиями рентно-распределительных механизмов. Ключевая для западного мейнстрима метафора рынка (демократии) все чаще вытесняется феноменологией дистрибутивных ресурсных взаимодействий, опосредуемых государством

Ключевые слова: мейнстрим, истина, метафора, стратификация, демократия, рынок, рентноориентированное поведение, рентное общество, легитимация, социальная онтология, классовый интерес.
JEL: B41, B52.

DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10102.

О чем на самом деле говорят политические и экономические классификации?

Науки об обществе имеют метапарадигмальные основания, сформировавшиеся до их дисциплинарного разделения, из которых проистекают базовые представления о человеке и обществе, сакральном и профанном [Фишман, 2004]. При этом любые социальные теории и модели являются лишь убедительными или неубедительными интерпретациями реальности в перспективе интересов и жизненного мира тех или иных социальных групп. Фундаментальная несводимость оценок социальных фактов к самим фактам не позволяет

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

установить окончательной и принципиальной разницы между *научными* парадигмами, теориями, концепциями, с одной стороны, и сказками, мифами и баснями — с другой, как описательными нарративами, опирающимися лишь на непрочный консенсус признающего их таковыми сообщества [Ореховский, 2018. С. 34]. Это создает вечно скандальную ситуацию в историческом движении познания, связанную с тем, что смена консолидирующих парадигм происходит в виде разоблачения господствующих *научных* языков описания как идеологий/мифов/сказок в пользу конструирования новых *языков научного описания*, чью мифологическую/архетипическую картину мира только предстоит деконструировать когда-нибудь в будущем. Для *социальных фактов* процедуры удостоверения истины и проверки подлинности нарратива могут варьироваться и никогда не сводятся к принципам удостоверения истины только с помощью статистики или *естественнонаучного эмпиризма*, определившего научную картину природы, но не самого общества Нового времени [Латур, 2006. С. 79]. Разные дискурсы со своими процедурами верификации и легитимации действуют параллельно, создавая множественность интерпретаций социальной реальности и способов их подтверждения. Более того, подавляющая часть современного знания исследователей об обществе не является частью их личного опыта, будучи опосредованным и воспринимаемым на веру как *естественное коллективное воображаемое*, как части привычной картины мира, каковой для Средневековья были рай и ад, черти и ангелы, плоская Земля и сословность и т.д. Поэтому действительно важной проблемой являются не столько разной степени успешности попытки обоснования единственно правильного дискурса и подтверждающих его процедур, сколько понимание закономерностей и причин, по которым одни дискурсы теряют убедительность, а другие её приобретают, перемещаясь в центр обществоведческого мейнстрима.

С конца XVIII — начала XIX вв. предполагается, что вместо нераздельного поиска истины, добра и красоты автономная наука в модерном обществе будет иметь *монополию на поиск истины*, поставив в своей центр естественнонаучные количественные и эмпирические методы. Однако это разделение так и осталось нереализованным, по крайней мере, в области социальных и гуманитарных наук: «и теология, и философия традиционно претендовали на постижение *как того*, что есть истина, *так и того*, что есть благо. Эмпирическая наука считала, что не располагает средствами, позволяющими отделять хорошее [от плохого], она считала своей прерогативой только установление границы между истинным [и ложным]. Люди науки изящно снимали эту проблему с повестки дня, утверждая, что намерены заниматься только поиском истины, а поиск блага готовы полностью отдать на откуп философам (и богословам)... В конечном счёте некоторые заявляли даже, что невозможно определить, что есть благо; можно лишь определить, что истинно». [Валлерстайн, 2004. С. 251].

Новейшие методологические подражания мейнстрима общественных наук наукам о природе, призванные укрепить *контроль над истиной*, осуществляются в виде широкого использования математических и экспериментальных методов, которые призваны создать иллюзию объективности целей и непредвзятости результатов. Однако уподобление естественным наукам является весьма условным, так как в общественных науках субъект всегда неотделим от исследуемого предмета. Подобная включённость может не осознаваться, но всегда остается проблемой, требующей решения. Оно осуществляется в области этического самоопределения исследователя, путем сознательного или бессознательного выстраивания ценностной иерархии, которая является неустранимым элементом всей его деятельности. Сколь угодно изошёренные процедуры объективации, формализации, обобщения и математизации неспособны элиминировать субъектные ценностные иерархии. Более того, сам отказ от признания своей вовлечённости в изучаемый объект является ясным признанием идеологического характера дискурса познающего субъекта.

Постоянно претендуя на нейтралитет, объективность, незаинтересованность и автономию как необходимые условия авторитетного научного дискурса об обществе, общественные науки, тем не менее, всегда параллельно вырабатывали и представления о *благ*е и *должном* обществе. Критерии неангажированности социальных мыслителей всегда остаются релятивными и представляют не более, чем подвижный компромисс между принципами отстраненной (объективирующей) научности и онтологической вовлеченностью учёных в изучаемый предмет, частью которого они являются [Валлерстайн, 2016. С. 258–278]. Именно отсюда берет начало отрефлексирующая М. Вебером традиция противоречивого метания исследователей между социальными позициями *учёного*, *ограничивающегося фактами*, и попытками прямого влияния на общество в качестве *политиков*, *авторитетов* и *экспертов*, направленными на обоснование его желательных изменений.

Неизбежная релятивность социального знания заключается в том, что категории описания социального порядка (и шире — *жизненного мира*) убедительны в силу явного или неявного соглашения (консенсуса) ключевых социальных групп относительно иерархии *справедливой несправедливости* распределения ресурсных потоков общества между составляющими его группами, исходя из их общественной *полезности*. Достигнутый консенсус сам по себе обеспечивает *ясность* и *убедительность* описания политического, экономического и культурного порядка в обществоведческом мейнстриме, который связан с позициями доминирующих субъектов и нацелен на обеспечение устойчивого статус-кво. Нарушение достигнутого равновесия в распределении разнообразных ресурсов (падение нормы прибыли, пределы социального государства, перераспределение рент, изменение принципов стратификации, распад старых и образование новых групп и т.д.) обуславливает потребность обновления представлений о *справедливом обществе*, которые легитимировали бы происходящие изменения социальной онтологии. В подобной перспективе представляется справедливым, что «политическую теорию лучше всего мыслить как последовательную социальную критику. Последняя волей-неволей оказывается предписывающей, ведь она касается теоретических объяснений условий нашего существования, а также возможности или желательности их изменения, кроме того, она неминуемо дескриптивна, так как это критика конкретного набора переменных — изменяющихся отношений дефицита, власти и пределов, определяющих условия социальной интеракции людей. Не то чтобы сугубо концептуальные компоненты никогда не могут стать предметом аналитической дискуссии, просто сама эта дискуссия никуда не приведёт, так как она будет представлять собой обсуждение частей сложных концептов, как если бы эти части представляли собой самодостаточное целое» [Шапиро, 2011. С. 303].

Соответственно, общественные науки не столько познают социальные закономерности, сколько конструируют *большое общество*, легитимируя иерархическую структуру коллективных гегемонов и бенефициаров подобного общественного устройства. В ситуации перехода от одного общественного порядка к другому усиливается гетерархия, появляются различные ценностно-институциональные альтернативы. Упадок мейнстрима представляет собой следствие глобальной перестройки сложившихся ранее властных, экономических, институциональных, интеллектуальных и моральных иерархий. И как кризис он осмысливается только теряющими привычные позиции лидерами разрушающихся иерархий, в то время как поднимающиеся центры силы и общественные классы устанавливают новые социальные нормы и правила.

Таким образом, ценности и понятия мейнстрима имеют онтологические и исторические обоснования, находящиеся в процессе постоянных изменений. Либерализм в основе политического проекта Модерна означал общий отказ от неизменных культурных ценностей в пользу перманентных социальных трансформаций, интенсивной вертикальной и горизонтальной мобильности, рефлексивной социальности, роста пространств автоно-

мии индивидов — всего того, что прямо противоречит содержанию привычных культурных и социальных регуляторов домодерных обществ. Конкуренция разных ценностных оснований политических классификаций и описывающих категорий связана не только с методологической релевантностью предлагаемых описаний, но всегда имеет дополнительное легитимирующее (идеологическое) измерение. Всегда убедительнее теории, интерпретации фактов и языки описания, которые предлагаются бенефициарами существующего социального, экономического, культурного порядка в национальном или глобальном измерении. Эти теории гораздо чаще повторяются в разных информационных источниках (книги, журналы, телевизор, Интернет, социальные сети и т.д.). Их представляют субъекты и источники, обладающие социальным и символическим капиталом, который базируется на учёных степенях и званиях, почетных наградах, позициях в ведущих ВУЗах и академических институтах. Следование учёных и преподавателей доминирующим теориям поощряется экономически как оптимальный рациональный выбор, влекущий наибольшие дивиденды. Мейнстримные теории, лежащие в основе редакционной политики и картины мира ведущих газет, журналов, электронных СМИ и собственников социальных сетей, поддерживают иерархию социального знания, которая может быть оспорена или трансформирована только вместе с изменением самих принципов социальной стратификации и онтологии существующего политического порядка. Это проблема появления новых политически значимых коллективных субъектов, обладающих альтернативной перспективой взгляда на общество [Мартьянов, 2018].

Общества, занимающие доминирующие глобальные позиции в экономической и военной сфере, демонстрируют аналогичные позиции и в мировой иерархии культурного и символического влияния. Глобальные центры силы, власти и капитала располагают мощными средствами продвижения желательной картины мира и *должного общества*, позволяющими придать ей нормативный статус для всех остальных в дихотомической разбивке на West (Запад) и Rest (Незапад), принимаемой в качестве исходной системы ценностно-идеологических координат. Сохранение глобальной инерции западнцентричной культурной гегемонии в области общественных наук предполагает, что все альтернативные системы самоописания современных обществ и перспективы взглядов на глобальный мир будут априори считаться *отклонениями, патологиями* и уязвимыми членами бинарных оппозиций, в которых строится любое идеологическое описание.

Таким образом, власть, легитимность и научную убедительность имеет прежде всего тот, кто может навязать и поддерживать определённые категории и ценностные иерархии описания общества. В многосоставном обществе Модерна всегда существует конфликт между его понятийными описаниями в различных классовых перспективах. Аналогичный конфликт описаний мы можем увидеть и в глобальном разрезе, в центр-периферийной иерархии обществ, включенных в капиталистическую миросистему на разных условиях и ориентированных на разные доступные ресурсы. Конкуренция за контроль и передел сфер влияния и глобальных рынков всё чаще обретает вид дипломатических, политических и военных конфликтов, обостряя противостояние ведущих центров силы, в том числе на уровне нормативных описаний Модерна/Современности, критериев прогресса и принципов справедливого общества. Интерпретация любых понятий и ценностей прямо связана с проекцией далеких от универсальности интересов корпораций, классов и наций. В более мягком и функциональном виде *мягкой силы* производные иерархии обществоведческих классификаций представлены во всевозможных глобальных рейтингах, инструментально производимых и продвигаемых Западом на основании *экспертных рейтингов восприятия, то есть частных мнений правильно подобранных специалистов*. Рейтинги свободы, демократии, политического риска, конкурентоспособности, кредитный рейтинг, рейтинг привлекательности и т.д. активно влияют не только на частных инвесторов, но и не критично инкорпорируются западными

странами в качестве целевых показателей государственных программ и целей развития [Иванов, Иванова, 2015]. Замеры *качества* ключевых признаков Современности/Модерна являются вынужденной мерой, поскольку все актуальные общества тем или иным образом включены в капитализм и свободный рыночный обмен, используют демократические процедуры, реализуют либеральные принципы и институты, доминирующие после Ancien Régime сначала в Европе, а затем и во всем остальном мире.

Факторы упадка и попытки социокультурного ремонта западного мейнстрима общественных наук

Наблюдаемый упадок ценностных и смысловых координат западного мейнстрима позволяет увидеть, что его нарративы имеют ту же базовую структуру, набор субъектов и варианты их взаимодействия, что и любые *ненаучные* типы повествований — мифы, легенды, русские волшебные сказки в типологии В. Проппа. Например, «действующими лицами “микроэкономической сказки” оказываются конкуренция (положительный герой), монополия (вредитель), государственное регулирование (ложный герой), различные типы информации — полная, несовершенная, асимметричная (помощник или даритель), предпочтения, производственные и трансакционные издержки. Эти действующие лица сталкиваются между собой, реализуя различные (как правило, парные) функции “производитель — потребитель”, “фирма — наемный работник”, “спрос — предложение”, “доходы — издержки”, “оппортунизм — гарантии” (репутация) и т.д. Действующих лиц *макроэкономики* в свое время выделял Я. Корнай, определив их в рамках своего анализа как “основные болезни”: *безработица, инфляция, нарушения роста* (инвариант — *рост*), (высокий государственный) *долг, бюрократизация* (то есть *неэффективность государства*), *дефицит*, (высокое неравенство в) *распределении доходов*. Взаимодействия этих “героев” порождает множество парных функций: “рациональные ожидания — иррациональный оптимизм инвесторов”, “снижение процентных ставок — ловушка ликвидности”, “рост государственных расходов — дефицит бюджета”, “рост процентных ставок, эффект вытеснения, снижение государственных расходов — рост социальной дифференциации”, и т.д.» [Кошовец, Ореховский, 2018. С. 152].

В структурной основе обществоведческого мейнстрима, объединяющего науку и идеологию (гражданскую религию), находятся универсальные бинарные оппозиции, оптимизирующие человеческое мышление. Они позволяют создавать иерархии понятий для объяснения истинного/должного/правильного функционирования политических сообществ, перенося особенности структуры человеческого мышления на сами свойства реальности, что ведет к её упрощению. Подобное тождество обусловлено тем, что бинарные коды служат скорее удобству и экономии повседневного мышления, чем познанию. Мейнстримом предполагается, что одни сообщества имеют универсальные ценности и институты, которые необходимо взрастить в других. Для незападного мира были придуманы *вспомогательные* гуманитарные дисциплины. Это *ориенталистика*, занимавшаяся относительно самостоятельными западными странами и полуколониями Запада, и *антропология*, чьим предметом стали колонии и зависимые от западных метрополий территории. Важными целями обеих дисциплин стало оправдание и возвышение Запада через утверждения о его моральном и техническом превосходстве, которое может быть получено остальным миром только *с помощью и под управлением* Запада: «Во-первых, обе эти дисциплины рассматривали “остальной” мир, то есть тот, который в конце XIX века не был частью господствующих панъевропейских зон. Во-вторых, народы, которые рассматривались этими дисциплинами, не рассматривались в качестве “современных” (“modern”) — под этим подразумевалось, что они не имели технологий и машин, которые, как считалось, являлись важнейшими признаками современного “прогресса”. Следовательно, считалось,

что они не разделяли ценности Модерна в том виде, как они воображались и практиковались в панъевропейском мире. В-третьих же, утверждалось, что эти страны/зоны/народы не имели истории, то есть они не изменялись, не развивались, не прогрессировали в ходе исторического времени» [Валлерстайн, 2016. С. 310].

Соответственно политическое и экономическое влияние на другие страны оправдывается задачами *прогрессорства*. Обществоведческий мейнстрим, иерархически структурированный подобным образом, просуществовал в относительно неизменном виде с момента своего институционального возникновения в конце XIX в. почти до конца XX в. Важнейшую роль в разрушении этой иерархии сыграло то, что западная колониальная система изначально имела узкие временные рамки. Западные метрополии не строили иллюзий относительно исторического диапазона, отведенного на грабёж колоний, которые со временем сократят экономическое отставание и освоят передовые научные и социальные технологии, обладая несоизмеримо большим демографическим и ресурсным потенциалом. Поэтому в мейнстрим общественных наук было заложено ценностное оправдание жестокости западной колониальной политики и экспансии в виде *цивилизаторской миссии* прогрессоров. Сто лет назад подобная легитимация открыто называлась процессом цивилизации варваров.

В актуальном глобальном контексте *прогрессоры* претендуют, прежде всего, на то, чтобы воплощать онтологию ключевых понятий в виде привилегированных членов бинарных пар, которые считаются присущими им имманентно — свобода, демократия, рынок, прогресс, справедливость, передовое *классовое сознание* и т.д. Целью производства этих понятий вовсе не является практическая реализация стоящей за ними онтологии, которая ведет к овеществлению, а значит исчерпанию и профанизации утопий. Наоборот, описывающие понятия должны оставаться идеалом для других, быть недостижимой планкой для слаборазвитых, варварских обществ, чья *органическая отсталость* и *инаковость* фундируется *естественными* культурными, этнологическими и антропологическими отличиями, которые обобщаются в концепции *ориентализма*, и под которую попадают описания всех незападных обществ [Саид, 2016]. Это позволяет установить символические границы и дифференцировать область *принципиально недостижимого* для незападных обществ, которые *нуждаются в прогрессорстве*. Подобная интеллектуальная практика доминирования не может снискать широкой поддержки *в чистом виде*. Поэтому на уровне политической транзитологии она имеет адаптационный слой *теорий модернизации*, в которых утверждается обратное: варвары неизбежно станут цивилизованными и колониальное господство прекратится; рыночные и демократические институты автоматически обеспечат всеобщий подъем уровня жизни и прогресс в интересах большинства человечества.

Привлекательность этой *риторики надежды* обусловлена тем, что она частично правдива и её обещания иногда выполняются. Другое дело, что обещания, данные *гражданам, обществам* и *классам*, выполняются в ограниченном объеме и бенефициарами становятся не сами общества и классы, но лишь всё менее многочисленные представители последних [Стиглиц, 2016]. Причем как в странах центра, так и в обществах полу- и периферии капиталистической миросистемы. Соответственно освобождение колоний, интеграция колониальных элит в элиту глобальную, включение периферий в мировые рынки, формирование модели общества потребления не решают ключевых социально-экономических вопросов, связанных с преодолением расширяющегося центр-периферийного неравенства как глобального мира, так и разных измерений неравенства в отдельных обществах. В глобальном мире 1% наиболее богатых людей контролировали в 2019 г. 45% всех экономических активов человечества, демонстрируя долгосрочную тенденцию к постоянному увеличению своей доли богатства [Global wealth report, 2019. P. 13]. В мире доходное неравенство непрерывно радикализируется с начала 1980-х гг. [Доклад о неравенстве, 2018]. В России в 2018 г. 3% населения владели 90% всех финансовых активов, что опровергает любые попытки обосновать экономические возможности для роста доли среднего класса, который со времен Аристотеля

призван был быть фундаментом демократии как правления большинства [Шаповалов, 2019]. Более того, сама взаимосвязь процессов расширения среднего класса и демократизации осталась недоказанной. Многие недемократические общества, например, Китай и Россия, значительно расширили социальную базу среднего класса и уровень доходов населения, но это не привело к их демократизации в глазах Запада. Важно и то, что ресурсная база среднего класса современных обществ все чаще обеспечивается государством, а не рынком.

Умножение ведущих акторов постбиполярного мира, а также радикализация неравенств и различий внутри наций-государств и мироэкономики, ведущие к эскалации политических, экономических, культурных конфликтов, представляет большой соблазн вновь объяснить эти явления сквозь призму цивилизационной парадигмы и устойчивых культурных различий, закрепляемых в различных системах *идентичности*. Однако подобное объяснение фактически лишь работает на закрепление этих различий, подразумевая их непреодолимость и *объективный характер* следующих из них дискриминационных практик, неравенств, нормативного партикуляризма *духовных скреп*, к которым апеллируют *новые варвары*, закрепляющие свою легитимность подобной политической риторикой. Таким образом, в условиях Модерна цивилизационный дискурс имеет скорее прагматическое и популистское применение, чем является способом объяснения фоновых закономерностей, действующих на глобальное человечество.

Поскольку понятия и ценности западного политологического мейнстрима выработаны внутри исторически сложившихся иерархий (правлящего класса, культурно-религиозной традиции и т.д.), то последние начинают обладать чем-то вроде моральной монополии на признание/непризнание их *правильной* реализации в других сообществах. Поэтому теории приобщения к цивилизации в виде концепций модернизации и транзита существуют не столько с целью понять *слаборазвитые* общества, в отношении которых они применяются, сколько чтобы сделать их похожими на западные общества, выступающие в качестве целевого образца. В подобном ценностном контексте предполагается, что *модернизируемые* и *переходные* общества должны стать *похожими* на общества, монополизировавшие языки описания социальной реальности. Но именно *похожими*, а не *идентичными*, так как *оригинал* (идеал) всегда должен оставаться недостижим для его несовершенных *копий*. Логика подобной символической власти проста: признание достижений других нивелирует монополию на интерпретацию понятий, которые генерируют легитимирующий политический дискурс, будь то социалистическая формация, либеральная демократия или нечто третье. Интеллектуальная монополия Запада на Модерн/Современность позволяет поддерживать базовые механизмы иерархизации и локализации (разобщения).

Таким образом, методологическая проблема применения западного мейнстрима к *периферийным* обществам состоит в том, что он изучает не общество, которое существует *в реальности*, но то, каким оно *должно стать* в парадигме транзитологии [Carothers, 2002]. Реальная онтология периферийного общества адептов западного мейнстрима не интересует, поскольку рассматривается только в контексте патологий и отклонений от некой универсальной нормы, заданной *концом истории* [Фукуяма, 2004]. В подобной методологической перспективе российское общество априорно и изначально относится в некие маргинальные разделы мейнстримных политических иерархий и классификаций. Все последующие исследования ведутся лишь в техническом аспекте *созидательного разрушения* сложившегося социального, экономического и политического порядка, который необходимо преодолеть, ибо *Карфаген должен быть разрушен*. Любой содержательный анализ мейнстримных политологических и экономических исследований о незападных обществах показывает неизменность исследовательских стратегий, направленных либо на подтверждение тех или иных шаблонных *изъянов* периферийного общества, либо на поиск *правильных* тенденций, процессов и субъектов, которые сделают это общество таким, каким ему предписывает стать западный мейнстрим. Убедительность этого дискурса зиждилась на авторитетном ядре

(*символ веры* в виде общеизвестных работ М. Фридмана, Ф. Хайека, Г. Беккера, К. Поппера, Д. Норта, Ф. Фукуямы, Д. Аджемоглу и др.) и производной системе перекрестных цитирований последователей (адепты веры), которые создают воображаемую реальность — *Незапад во зле*, которая не нуждается в онтологической аргументации. Для подобных самореферентных систем апелляции к устойчивости *недемократических* политических институтов, электоральной поддержке *авторитарного* политического режима, росту уровня жизни в *командных экономиках*, легитимности сложившихся *традиций*, географическим и климатическим *особенностям* не имеют значения в сравнении с либерально-рыночной утопией, которая реализуется только после *разрушения* сложившейся конфигурации отклоняющихся институтов и практик любого западного общества, несмотря ни на какие подтверждения их эффективности для реализации интересов большинства. Однако «если либеральные, инклюзивные институты отвечают гуманистическим ценностям прав человека и способствуют общему экономическому росту, а заодно — преодолению нищеты и болезней, то почему в свое время целый ряд стран отказался от них, освобождаясь от колониальной зависимости?... На деле либеральные рыночные институты приносят односторонние преимущества тем, кто уже богат и более производителен, а распространение этих институтов, как показала последняя треть XX в., приводит не к сокращению, а к увеличению разрыва между богатыми и бедными» [Ореховский, 2019: 121–122].

Проблема в том, что так называемые *отсталые, архаичные периферийные, переходные общества и гибридные режимы* оказались более устойчивы в долгосрочной перспективе, чем представлялось составителям нормативных политических классификаций на основе всеобъемлющих бинарных оппозиций, считающихся взаимоисключающими: демократия/авторитаризм, рынок/госрегулирование, открытое/закрытое общество (К. Поппер), естественное государство/общество открытого доступа (Д. Норт), инклюзивные/эксклюзивные институты (Д. Аджемоглу), монетарный/патрональный порядок (В. Ефимов), рынок/раздаток (О. Бессонова), X/Y институциональные матрицы (С. Кирдина) и т.д., и т.п. Более того, в альтернативных политических классификациях переходность, многосоставность, архаика, противоречия и гибридность могут быть успешно обнаружены и в западных обществах, которые считаются свободными от неё. Стабильность, устойчивость и легитимность социально-политического порядка не могут быть объяснены исключительно наличием *хороших* институтов, *правильной* культуры или *технологическим* соблюдением демократических процедур. Более того, высокая народная поддержка политического режима и элит может зависеть от совсем других, неортодоксальных причин: «распределения ренты, предоставления базовых социальных обязательств, кооптации потенциальной оппозиции, мобилизации общественной поддержки и др.» [Мельвил, 2020. С. 35]. В подобном методологическом и онтологическом контекстах обращение к реальным механизмам поддержания социального порядка современных обществ обнаруживает неудовлетворительность разбиения разных политических режимов на *в чистом виде* и *чисто и исключительно* демократические и недемократические (авторитарные, тоталитарные), а национальных экономик на рыночные и нерыночные. Подобные концептуальные разбивки и номенклатуры вытекающих из них бинарных признаков всегда будут идеологическими, субъективными и слишком поверхностными, относящимися скорее к наблюдаемой периферии политических и экономических порядков.

Рано или поздно культуртрегерская политическая логика учитель / ученик перестает работать — ученик становится равен учителю, а копия — неотличимой от или даже превосходящей оригинал. Подобное культурное, экономическое, демографическое ослабление западных гегемонов и их политических теорий можно наблюдать в глобальном мире. В подобной исторической перспективе ценностные основания западной гегемонии начинают оборачиваться против своих бенефициаров, как только последние оказываются не в силах обеспечить глобальный силовой порядок: «прежде подконтрольные страны

и народы получили возможность использовать свои конкурентные преимущества. В этой ситуации “либеральный экономический порядок” стал невыгоден тем, кто его создал» [Караганов, 2019. С. 60].

Выясняется, например, что, возможно, капитализм и свободные рынки исторически никогда и не были доминирующим механизмом распределения ресурсов, оставаясь защитной периферией неизменного рентно-сословного (дистрибутивного) ядра государства [Чанг, 2018]. В такой перспективе современные общества отличаются лишь толщиной этой оболочки, являющейся дополнительным механизмом привлечения ресурсов. И это отличие при сопоставимой эффективности развития незападных экономик с меньшим проникновением рыночно-либеральных институтов и интенсивности соответствующих ресурсных обменов указывает на то, что роль этой адаптивной и защитной оболочки сильно переоценена. Сама по себе толщина этого слоя не создает качественного институционального и морального различия между незападным *Мордором* и блистательным западным *Валинором*. При ближайшем рассмотрении весь цивилизационный блеск нормы оказывается лишь интеллектуальным алиби, маскирующим все те же реальные процессы мягкого политического диктата крупных собственников, радикальное экономическое неравенство, скрытую сегрегацию, *стеклянные потолки* социальной мобильности, закрытое и наследственное воспроизводство элит, клановость и передачу в поколениях депутатских, судебных, мэрских, губернаторских, корпоративных и даже президентских должностей, отсутствие системного политического представительства большинства как *людей труда* и т.д. Альтернативная политическая теория, критически обращенная на самого гегемона, под слоем капитализма, рынка и демократии без труда обнаруживает глубинное политико-институциональное несовершенство и классовые противоречия, оборачивающиеся отсутствием убедительных оснований для морального авторитета элит, которые *естественным образом* не склонны действовать в интересах большинства как ключевого субъекта истинной демократии. Но признание *несовершенным* одновременно означает обнуление морального авторитета политологических теорий прогрессора. Бывшие варвары в актуальных условиях все чаще достигают экономического уровня метрополий и с не меньшим успехом генерируют глобальные модели и рейтинги, категории и показатели, теории и иерархии, в которых изначальные прогрессоры начинают уступать им в области образования, государственного управления, инноваций, темпов экономического развития, противодействия коррупции, социального обеспечения граждан и всего того, что позволяет не только стать *современными*, но и самим уверенно говорить от имени *Современности/Модерна*.

Поэтому пересмотр глобальной иерархии знания и власти приводит к обнаружению того обстоятельства, что либерально-демократические и рыночные ценности и институты, которые представлялись в качестве универсального ядра Современности/Модерна, оказываются защитным слоем, с помощью которого свое идеологическое обоснование получала западная гегемония. Ослабление военно-политической и экономической гегемонии и углубляющийся кризис неолиберального мейнстрима позволяют увидеть, что западные и незападные общества имеют гораздо больше общего в функционировании своего ценностно-институционального ядра. Последнее воспроизводится преимущественно с помощью тщательно маскируемых элитами механизмов социальной архаики, которая в публичном дискурсе выносится во внешнюю для обществ-гегемонов реальность, приписываясь только *периферийным* и *отсталым* обществам, нуждающимся в *модернизации*. Сохранять этот парадокс будет все трудней в условиях, когда множество незападных обществ становятся успешней, влиятельнее и богаче, невзирая на те или иные проблемы с рынком, демократией и либерализмом. В подобной ситуации сравнительный анализ показывает всю ненадежность и партикулярность рыночных коммуникаций любых обществ, надстраиваемых над толщей дарообменных, реципрокных, дистрибутивных, рентно-сословных и иных отношений, образующих ядро их реальных социальных взаимосвязей.

Заключение

Мейнстрим наук об обществе всегда стремится к контролю представлений и об истине, и о благе для общества. Мейнстрим заявляет, что претендует только на объективно обоснование (математически и эмпирически) универсальное знание об истине, ограничиваясь чистой наукой. На самом деле в ядре общественных наук всегда лежат релятивные ценностные суждения относительно должного социального порядка. И в этом смысле любой актуальный мейнстрим всегда параллельно является языком власти, транслирующим представления элит (правлящего класса) о нормальном обществе и благе для него. Следует особо отметить, что «это отнюдь не означает, будто англо-американский мейнстрим совершенно ложен или тем более порочен в принципе. Просто он, помимо несомненных методологических и логико-теоретических достижений, также идеологически возводит в абсолют довольно специфический опыт геополитически удачно изолированной и одновременно расположенной у основания мировых торговых маршрутов островной и заокеанской окраины Запада. Там и только там вместо централизованных государственных бюрократических машин смогли возникнуть и закрепиться коалиции капиталистических элит, принявшие на себя множество функций государства: это местное управление, сбор налогов, идеология (включая протестантскую религию), социальная регуляция, даже отправление правосудия и полицейский надзор. Все это затем оказалось зафиксировано в доктрине либеральной рыночной экономики» [Дерлугьян, 2009. С. 20—21]. В настоящее время критическая и немейнстримная социально-политическая мысль не демонстрирует убедительных картин альтернативного будущего, за исключением локальных технологических утопий и попыток прямого гражданского ремонта (массовые протестные движения) отдельных недостатков рыночных либеральных демократий, которые вполне согласуются с либеральным консенсусом. Более того, распадается базовый дискурс транзита и модернизации, предназначавшийся ранее незападным обществам периферийного капитализма. Окончателюность и универсальность ценностей и достижений модернизации в западных обществах, воплощавших нормативное измерение Современности/Модерна, неожиданно оказывается сомнительным на фоне усиливающихся дискуссий о возможности множественных вариантов Модерна и постоянном обновлении духа капитализма, окончательно открепленного от Запада [Фишман 2020].

В перспективе усиливающегося распада неолиберальной версии западного мейнстрима серьезные исследовательские перспективы открывает концепция *рентного общества* как осуществляющаяся альтернатива рыночному обществу. В рентной онтологии меняется сама система идеологических координат, позволяя не прибегать к всё менее убедительным объяснительным понятиям, концептам и субъектам, связанным с нарративом либеральных демократий (рынок, демократия, либерализм, рациональный выбор, партии, выборы и т.д.): «то, что называется политикой в современной России, можно рассматривать как весьма конфликтные отношения между теми публичными функционерами, которые пытаются распределять ресурсы “по закону”, согласно принципам сословной и глубоко социалистической по природе социальной справедливости, с одной стороны, и членами разного рода корпораций, пытающихся выстроить распределение ресурсов “по понятиям”, сообразно меняющейся со временем иерархии корпораций и кланов, — с другой. Граждане государства, принадлежа к определенным сословиям, в то же время являются членами разного рода корпораций и кланов. Как члены сословий они заинтересованы в распределительной социальной справедливости, то есть в том, чтобы получать от государства то, что им “положено”. Однако их интересы как членов корпораций сосредоточены в повышении статусов их корпораций и кланов, в повышении своего статуса в них» [Кордонский, Дехант, Моляренко, 2012. С. 31].

Рентное общество является итогом фоновых изменений социальной структуры современных обществ, состоящие в распаде экономических макрокласов в пользу более

дифференцированного пространства социальных групп и меньшинств, выделяемых по различным внеэкономическим основаниям; падения значения способности людей к труду как условия доступа к ресурсам; усиления внеэкономической регуляции общественных процессов и рентных механизмов доступа граждан к ресурсам [Мартьянов 2017]. Всё это ведет к общественному порядку, где рынок, труд и капитал постепенно отходят на институциональную периферию воспроизводства общества, уступая место государству, рентоориентированному поведению и рентному доступу (в том числе в виде базового безусловного дохода), сословному лоббизму, привилегиям меньшинств и популизму как новым коллективным практикам и процедурам согласования объемов доступа к ресурсам [Фишман, Мартьянов, Давыдов 2019].

ЛИТЕРАТУРА

- Валлерстайн И. (2004). Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос.
- Валлерстайн И. (2016). Мир-система Модерна. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Доклад о неравенстве в мире (2018). wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf.
- Иванов В.Г., Иванова М.Г. (2015). «Charts power» — страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Ч. I // Вестник РУДН. Сер.: Политология. № 2. С. 36–51.
- Караганов С.А. (2019). Предсказуемое будущее? // Россия в глобальной политике. №2. С. 58–72. globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushhee.
- Кордонский С., Дехант Д., Моляренко О. (2012). Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. № 2. С. 62–102.
- Кошовец О.Б., Ореховский П.А. (2018). Структуралистская революция и метаморфозы экономической теории: от науки к сказке // Общественные науки и современность. №5. С. 143–157.
- Латур Б. (2006). Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та.
- Мартьянов В.С. (2018). Политические субъекты позднего капитализма: от экономических классов к рентоориентированным меньшинствам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3. С. 181–190.
- Мартьянов В.С. (2017). Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. №5. С. 141–153.
- Мельвиль А.Ю. (2020). Выйти из “гетто”: о вкладе постсоветских исследований / Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 22–43.
- Ореховский П.А. (2018). Стагнация в форме расцвета: анализ дискурса мейнстрима экономической теории // Экономическая теория: триумф или кризис? / Под ред. А. П. Заостровцева. СПб.: Леонтьевский центр. С. 28–49.
- Ореховский П.А. (2019). Экономический национализм и «коллективное бессознательное» экономической теории // Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории: Сб. материалов 1-й Октябрьской международ. научн. конф. по проблемам теоретической экономики. 3–5 окт. 2019 г. М.: ИЭ РАН. С. 120–124.
- Саид Э.В. (2016). Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Миръ.
- Стиглиц Дж. (2016). Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо.
- Фишман Л.Г. (2004). В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. Екатеринбург: УрО РАН.
- Фишман Л.Г. (2020). Пугающий дух и его медиумы: (Актуальна ли «Протестантская этика» в XXI в.?) // Журнал институциональных исследований. Т. 12. № 1. С. 84–99.
- Фишман Л., Мартьянов В., Давыдов Д. (2019). Рентное общество. В тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Фукуяма Ф. (2004). Конец истории и последний человек. М.: АСТ.
- Чанг Х.-Д. (2018). Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и тайная история капитализма. М.: Манн, Иванов и Фарбер.
- Шапиро И. (2011). Бегство от реальности в гуманитарных науках. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Шаповалов А. (2019). Все, кто нажили непосильным трудом // Коммерсантъ. № 65. www.kommersant.ru/doc/3940397?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
- Carothers T. (2002). The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. Vol. 13. No 1. Pp. 5–21.
- Global wealth report (2019). www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2019-en.pdf.

Мартьянов Виктор Сергеевич

martianov@instlaw.uran.ru

Victor S. Martianov

PhD (Political Science), Director of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the RAS

martianov@instlaw.uran.ru

THE SHINE OF METAPHORS AND CONCEPTUAL RELATIVITY OF THE MAINSTREAM SOCIAL SCIENCES

Abstract. The concepts constituting the mainstream political science and economics are largely determined by social ontology. They are related to the interests of key social groups, whose value perspectives of seeing society as a whole, expressed in the body of sacred texts, determine the social norms, hierarchies of priorities, dominant values and institutions. The tasks of the social sciences are not limited to the search for empirically verifiable truths, but explicitly or implicitly presuppose moral conclusions about what should be, about the good for a particular society and humanity. These ideas are associated with the extrapolation of historically transient social groups claiming to be universal in their views and interests. Therefore, the truths of the social sciences are always relational agreements of communities (social constructs) subject to periodic revision. At present, the criticism of the value foundations of social harmony, recorded in the mainstream, is actualized by the global transformation of social ontology. The principles of the distribution of collective resources are less and less connected with capitalism, market, and democracy, for which it is increasingly difficult to fulfill the promises of the development and growth of the available resources for the majority of the population in the context of increasing economic inequality and curtailing the model of universal welfare. This leads to a decline in the credibility of economic and political science concepts and concepts that legitimize the normative social order, which is increasingly acting not in the interests of the majority. The number of social groups that are not oriented in their life to market resources is growing. The intensity of their demand for alternative principles of social stratification and resource allocation is increasing, which are associated not with class-market-democratic regulators, but with rent-distribution mechanisms. The metaphor of the market (democracy), which is key for the Western mainstream, is increasingly being replaced by the phenomenology of state-mediated distributive resource interactions.

Keywords: *mainstream, true, stratification, democracy, market, rent-seeking behavior, rental society, metaphor, legitimation, social ontology, class interest.*

JEL: B41, B52.

REFERENCES

- Carothers Th.* (2002). The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. Vol. 13. No 1. Pp. 5–21.
- Chang Ha Joon* (2018). Zlyye samarityane. Mif o svobodnoy trgovle i taynaya istoriya kapitalizma [The Evil Samaritans. The Free Trade Myth and the Secret History of Capitalism]. Moscow: Mann, Ivanov i Farber. (In Russ.).
- Doklad o neravenstve v mire* [Global Inequality Report] (2018). Resource: wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf. (In Russ.).
- Fishman L.G.* (2020). Pugayushchiy dukh i yego mediumy: (Aktual'na li «Protestantskaya etika» v XXI v.?) [Frightening Spirit and its Mediums: (Is the “Protestant Ethics” relevant in the XXI Century?)] // *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*. Vol. 12. No 1. Pp. 84–99. (In Russ.).
- Fishman L.G.* (2004). V ozhidanii Ptolemeya. Transformatsiya metaparadigmy sotsial'no-politicheskikh nauk [Waiting for Ptolemy. Transformation of the metaparadigm of social and political sciences]. Yekaterinburg: UB RAS. (In Russ.).
- Fishman L., Martyanov V., Davydov D.* (2019). Rentnoye obshchestvo. V teni truda, kapitala i demokratii [Rental Society. In the Shadow of Labor, Capital and Democracy]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.).
- Fukuyama F.* (2004). Konets istorii i posledniy chelovek [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST. (In Russ.).
- Global wealth report* (2019). www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/global-wealth-report-2019-en.pdf.
- Ivanov V.G., Ivanova M.G.* (2015). «Charts power» — stranovyye reytingi kak ekonomicheskoye oruzhiye i instrument myagkoy sily. Chast' I [“Charts power” — Country Ratings as an Economic Weapon and an Instrument of Soft-Power. Part I] // *Vestnik RUDN. Ser.: Politologiya*. No. 2. Pp. 36–51. (In Russ.).
- Karaganov S.A.* (2019). Predskazuyemoye budushcheye? [A Predictable Future?] // *Rossiya v global'noy politike*. No. 2. Pp. 58–72. globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushchee. (In Russ.).

- Kordonsky S., Dekhant D., Molyarenko O.* (2012). Soslovnnye komponenty sotsial'noy struktury Rossii: gipotetiko-deduktivnyy analiz i popytka modelirovaniya [Classical components of the social structure of Russia: hypothetical-deductive analysis and an attempt at modeling] // *Mir Rossii*. No. 2. Pp. 62–102. (In Russ.).
- Koshovets O.B., Orekhovskiy P.A.* (2018). Strukturalistskaya revolyutsiya i metamorfozy ekonomicheskoy teorii: ot nauki k skazke [Structuralist revolution and metamorphoses of economic theory: from science to fairy tale] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp. 143–157. (In Russ.).
- Latour B.* (2006). Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii [There was no new time. Essays on Symmetrical Anthropology]. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom Yevropeyskogo universiteta (In Russ.).
- Martyanov V.S.* (2017). Nashe rentnoye budushcheye: global'nyye kontury obshchestva bez truda? [Our Rental Future: Global Outlines of a Laborless Society?] // *Sociological Studies*. No. 5. Pp. 141–153. (In Russ.).
- Martyanov V.S.* (2018). Politicheskiye sub'yekty pozdnego kapitalizma: ot ekonomicheskikh klassov k rentooriyentirovannym men'shinstvam [Political subjects of late capitalism: from economic classes to rent-seeking minorities] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. № 3. Pp. 181–190 (In Russ.).
- Melville A.Yu.* (2020). Vyyti iz "getto": o vklade postsovetских issledovaniy / Russian Studies v sovremennuyu politicheskuyu nauku [Leaving the "ghetto": on the contribution of post-Soviet studies / Russian Studies to modern political science] // *Polis. Political Studies*. No. 1. Pp. 22–43 (In Russ.).
- Orekhovskiy P.A.* (2019). Ekonomicheskyy natsionalizm i «kollektivnoye bessoznatel'noye» ekonomicheskoy teorii [The Economic Nationalism and the "Collective Unconscious" of the Economic Theory] // *Ekonomicheskaya nauka: zabytyye i otvergnutyye teorii: Sb. materialov 1-y Oktyabr'skoy mezhdunar. nauchn. konf. po problemam teoreticheskoy ekonomiki. 3–5 okt. 2019 g.* [Economic science: forgotten and rejected theories: Proceedings of the 1st October International Scientific Conference on Theoretical Economics. October 3–5, 2019]. Moscow: IE RAS. Pp. 120–124. (In Russ.).
- Orekhovskiy P.A.* (2018). Stagnatsiya v forme rastsveta: analiz diskursa meynstrima ekonomicheskoy teorii [Stagnation in the form of prosperity: analysis of the mainstream discourse of economic theory] // *Ekonomicheskaya teoriya: triumf ili krizis? [The Economic theory: triumph or crisis?]*. / Ed. A.P. Zaostrovtshev. St.Petersburg: Leontief Center. Pp. 28–49. (In Russ.).
- Said E.V.* (2016). Oriyentalizm. Zapadnyye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. St. Petersburg: Russkiy Mir. (In Russ.).
- Shapiro I.* (2011). Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh [Escape from reality in the humanities]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.).
- Shapovalov A.* (2019). Vse, kto nazhili neposil'nyim trudom [Everyone who made money by back-breaking labor] // *Kommersant*. No. 65. www.kommersant.ru/doc/3940397?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop. (In Russ.).
- Stiglitz J.* (2016). Velikoye razdeleniye. Neravenstvo v obshchestve, ili chto delat' ostavshimsya 99% naseleniya? [The Great Divide. Inequality in society, or what should the remaining 99% of the population do?]. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
- Wallerstein I.* (2004). Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka [The End of the Familiar World. Sociology of the XXI century]. Moscow: Logos (In Russ.).
- Wallerstein I.* (2016). Mir-sistema Moderna. T. IV. Triumf tsentristskogo liberalizma, 1789–1914 [Modern World-System. Volume IV. The Triumph of Centrist Liberalism, 1789–1914]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. (In Russ.).